

*Огдо
Аксенова*

**ТАЛЫЕ
ВОДЫ**

СТИХИ И ПОЭМА

Перевод с долганского А. Зорина

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1989

С(Як)2
А42

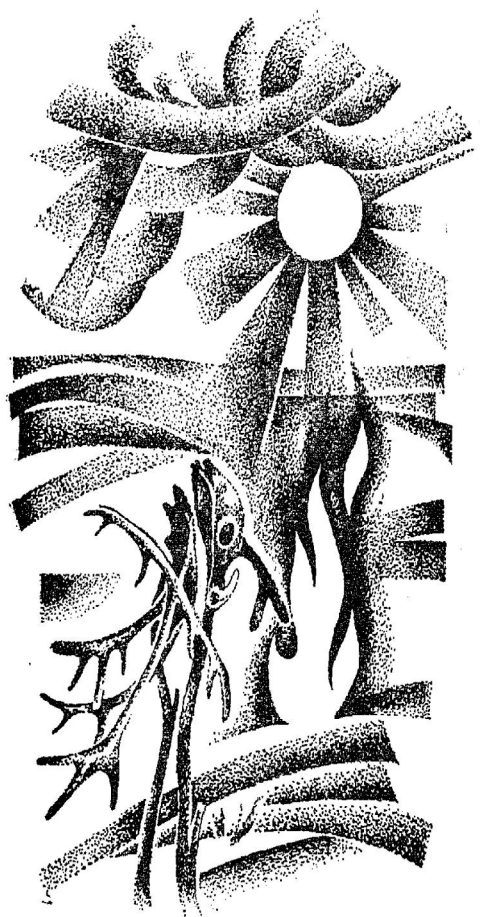
Художник Н. И. Суслов

А $\frac{4702190200-071}{M-105(03)89}$ 185-89

ISBN5-268-00230-9

СТИХИ

МОЯ ТУНДРА

Ты думаешь, ветрами,
что стелются, как дым,
и холодом, дыханье
стесняющим, шальным,
и бедственной вьюгой
в пустыне февраля
печально знаменита
долганская земля?
Не думай так, не только...

С безоблачного неба
струится серебро.
Ей в пуховом сугробе
и сухо, и тепло.
И золотое лоно
луны — знакомо ей.
И честно и влюбленно
я песнею своей
поведаю о тундре...

Здесь вкалывают крепко
ее тундровики:
отважные каюры,
охотники, стрелки.
Для многих жизни правда
прямей, чем взмах ножа.
Для всех небезопасна.
Но тем и хороша
жизнь обнаженной тундры.

Прославленный охотник
уже как будто стар.

Однако по сугробам
он бегать не устал.
И что ему мешает
сидеть, пить чай...
Зачах
бы дома... Промышляет.
И только о песцах
отборных помышляет.
Седой, как сталь, старик...

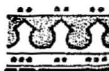
А вечерами клубы
полны.
В любой войдешь —
разливистые песни
играет молодежь.
Старинный звук баргана¹
за каменной стеной
перехлестнулся странно
с транзисторной струной.
Слова, как колокольцы...

Хейро² — наш неразменный,
наш неизменный круг.
Не разомкнется в танце
кольцо сплетенных рук.
Здесь злые ветры — в радость.
И жизнь еще крепка,
как старые олени
ветвистые рога.

За все спасибо, тундра...

¹ Б а р г а н — долганский музыкальный инструмент.

² Х е й р о — народный танец.

ТАЛЫЕ ВОДЫ

Приезжайте к нам в тундру
попробовать талой воды.
Вы такой не найдете нигде.
От нее оживают цветы.
Старики говорят —
от нее молодеет любой.
Приезжайте скорее
омыться волшебной водой.
Птицы в тундру летят
из богатых заморских краев.
У студёных потоков линяют
и нянчат птенцов.
Будто талые воды
укрепляют перо —
старики говорят.
Потому-то на север
заморские птицы летят.

ВЫСОКАЯ КОЛЫБЕЛЬ

На вершине хребта
снег чистейший сыпуч.
Рядом дышит гряда
темно-пепельных туч.
Где ютилось жильё,
там трава поднялась.
Я упала в нее.
Я в нее родилась¹.

Шкуры рыжий лоскут
вместо свежих пелен
постелили... Закут
допотопных времен.
Нынче так не живут.

¹ Раньше роженице стелили поверх шкуры сухую траву.

Светлый дым янтаря
в чуме высветлил ночь.
Окурили меня,
тундры смуглую дочь.
Жаром ласковых слов
отогрели тогда.
В чаше чистых снегов
и безмолвных холмов
на вершине хребта.

БЭЙЭТКОН

Провожали девушки
Бэйэткона на фронт.
Говорили девушки:
Героем будь!
А нам за тебя стада пасти.
Не кручинься, управимся как-нибудь.

По берегу сани мчатся,
пляшет хорей.
Колокольчик поет...
раскатился залиvistый звон.
Грозди северного сияния
смотрят каюру в лицо —
не возвращается ли
на родину Бэйэткон?..

У Хантайского озера
снег на вершине блестит,
словно песцовая шапка.
Сани уже под горой.
Не торопитесь...
Она
снимет белую шапку свою,
когда вернется герой...

ОЛЕНЬИ ГОНКИ

Олени, олени...
В глазах ослепительный вспых.
Весеннее солнце, сверкнув,
отражается в них.
Олени, олени...
Отточия быстрых копыт.
Напружена шея,
чулак¹ очумело скрипит.
Не подведите сейчас,
Каюр не щадит,
погоняет, как неслухов, вас.
Как птица щебечет,
так слышен его пересвист.
Олени, олени,
ваш бег отдаленный искрист.
Вы мчитесь
по чистой, по белоснежной стране
подобно летящей в мишень
оперенной стреле.
Тугая упряжка.
Земля под ногами кипит.
Буран поднимается сзади
от ваших копыт.
Смежаются влей
у погонщика щелки-глаза.
Залеплены снегом
одежда его, торбаса.
Олени, олени,
веселою сбруей искрясь,
крылатыми станьте.
Его осчастливьте хоть раз.
Пусть вырвется первым...
Докажет любимой своей,

¹ Чулак — часть оленьей упряжи.

как ловок он... Будьте
летучего ветра быстрее,
олени, олени...

Я ЛЕЖУ НА ГОРЕ

Я лежу на горе.
Я лежу на ковре.
Ярким мохом по мху
пышно вышит ковер.
Мне с высокой горы
вся округа видна.
Надо мною одни
облака, облака...
Льнут ромашки к лицу,
шепчутся и шелестят.
В их наречье простом
и простор и покой.
Отбивается куст,
будто конским хвостом,
от свирепой мошки
и липучих слепней.
Лист звенит на ветру.
Просветленно поет
на баргане родном.
Что отвечу ему?..
Струны трав и цветов
слух настроили мой.
Разбудили в душе
песню тихой земли.

ВЕДУТ ГАЗ

Коледблетя,
чуть видимый, вдали
из чума дым —
дыхание земли.
На спинах гор,
теснясь за рядом ряд,
повсюду трубы
толстые лежат.
Земля изрыта.
Сушатся пласты.
Сырые недра
вечной мерзлоты.
Как на просушку
меховой чулок,
их вывернули здесь.
Всему свой срок.
Уже ни глина,
ни глубокий снег
не заглушат
невидимый побег
тугого газа —
стебель голубой.
Уже бушует
пламенный прибор.
И может обернуться
мятежом,
когда мы мощь
его не запряжем
в упряжку,
как могучего быка,
способного
нам послужить века.
Попробуем же
пыл его унять.
И огненной упряжкой
управлять.

ЗИМА НАСТУПАЕТ

Дни светоносные, большие
промчались...

Чум тундровики
меняют на передвижные
и утепленные балки¹.
С последним солнышком
хозяйки,
боясь минуту упустить,
весь гардероб свой — без утайки —
спешат проветрить, просушить.
Изнанкой вывернуты вещи,
подобно пестрому ковру
лежат...

Как юкола, трепещет
привязанная на ветру
сухая обувь.
Тучи хмуры,
полны грядущей темноты.
От инеев осенних шкуры
разбухли.

Греют животы
на бледном солнышке.
Иная
пора им скоро предстоит.
И первый снег на все, сверкая,
с недоумением глядит.

НЕ ЛИШНЕЕ НАПОМИНАНИЕ

Своих оленей оленевод
бережет, по всему видать:
упряжь поправит, снег разгребет,
ягелю даст пощипать.

¹ Балок — передвижное жилище на полозьях.

Ты не догадываешься, почему
он бережливый такой?..

Люби же, подражая хотя бы ему,
тех, кто верен труду своему,
работая рядом с тобой.

ТОРОПЯТСЯ ДИКИХ ОЛЕНЕЙ СТАДА

Торопятся диких
олений стада
весною на север,
на север, туда,
где воздух прохладней
и снег не изрыт.
Широко и шумно
удары копыт
весною доносятся
с разных сторон.
По тундре стоит
перестук-перезвон.

Торопится поезд.
На трассе прямой
покачивается,
как олень верховой.
И горы спешат
с наступленьем весны
очнуться от снега,
их склоны черны.
И гуси торопятся.
Дружно летят
на север заманчивый
нянчить гусят.
Гудят самолеты
один за одним.

Расчистился день.
Не до отдыха им.
Нет времени
пустопорожного
в наш
стремительный век.
Я взяла карандаш,
чтоб точные
не упорхнули слова,
как испуганные куропатки,
едва
для песни созрев...
Заострила стило,
чтоб ветром
с лепечущих губ не смело.

ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ

Хочешь охотником быть,
мой сын?
С детства запомни
обычай мужчин.
Он до тебя
установлен веками.
Первой удачей
со стариками
беспрекословно делись,
не жалея
первой удачи,
добычи своей.
Гостю отдай,
не жалея, вторую.
Истину с детства
запомни простую:
сколько отдашь
старикам и друзьям,
столько добудешь
охотою сам.

ДУДИНКА

Стукнулось солнце
о землю, как мячик.
Впрыгнуло в небо
и больше не прячет
рыжих лучей.
В голубые дома
свет загрузив,
как зерно в закрома.
Вмиг гребешки
у сугробов слизнуло.
К каждому в доме
окошку прильнуло.
Льдинки смахнуло,
как полотенцем.
Поцеловало
люльку с младенцем.
Всюду проникло.
Всех обошло.
В городе нашем
стены — стекло¹.
Видно, кто лишний,
кто посторонний.
Высвечен каждый,
как на ладони.
Солнце косматое
на крыльцо
вкатывается,
зная любого в лицо.

¹ Маленькие города у нас называются стеклянными из-за того, что в них все друг друга знают. (Примеч. авт.)

АНГАРСКИМ ДРУЗЬЯМ

Заблестело от жгучих лучей,
залоснилось снегов одеяло.

Птичьим граем и кликом весна
в здешнем крае прогрохотала.
Ей навстречу большой самолет
взмыл, расправив гусиные крылья
Покружился и плавно на луг
опустился. Лучистые клинья
солнце в камни вонзало. Меня,
как пушного олешка, ласкало.
Изумрудную зелень земля
бескорыстно под ноги постлала.
Было жалко ступать по траве.
Непривычно глазам от такого
темно-буйного плеска.

Ангарск

будто самого дорогого
встретил гостя. Цветы протянул.
Я водою их стебли омыла
и укутала, как малышей.
И потом довезла до Таймыра.
Благодарна друзьям... Может быть,
я любовь увозила с цветами...
Как же вас мне благодарить?..
Как умею —

стихами, стихами...

ОБЫЧАЙ МОИХ ЗЕМЛЯКОВ

Помню — чуть больше наперстка была —
порезала палец, брызнула кровь.
Сказала мне бабушка: «Не пролей
ни капли крови на землю... Смотри,
тундры миролюбивая дочь,
чтобы людская кровь не лилась».

Русского мальчика спас мой отец.
Крикнул бандиту — «Стой, не стреляй!»
Выстрелом

грозным

грянул

крик.

Пуля застряла в коротком стволе.
Голубоглазый русский малыш
так и остался жить у меня
в девичьем сердце...

Люди, — шепчу, —
не проливайте драгоценную кровь!

Мы, долганы, спокойный народ.
Мы ненавидим войну и вражду.
Сомневаетесь?

Приезжайте к нам.

Увидите, как на промерзшей земле
юного солнца встречаем восход.
Точно так же встречаем гостей.
В каждом приезжем — солнечный луч.

Наш отдаленный обилен край.
Много еще оленей, песцов, гусей

перелетных...

Стреляя их,
мы не ломаем мир на Земле.
Об этом, об этом в песнях поем.

Прекрасен обычай древних долган —
не метить землю кровью людской.

Распространите, размножьте его.
Пусть пеленает планету, как снег,
высыпанный из больших закромов.
Перебинтует раны ее
священный обычай древних долган.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Таймырские снега.
Мой север — бараксан¹.
Просторно, высоко
и сердцу и глазам.
Еще и оттого
душа моя поет,
что древние хранит
обычай народ.
Не выветрились, нет,
не сгнули в золе
обычай... Пускай
народы на Земле
узнают их... Улов
богат иль не богат, —
тем, что поймал, рыбак
делиться с каждым рад.
А если полон дом
достатка и тепла,
живи и грейся... В нем
не упрекнул тебя.
Бывает, улечу
на день или на год,
мой древний поводырь,
язык мой, — приведет
обратно на Таймыр...
Без материнских слов
мне будет тесен мир
и край любой суров.
Разлуки не терплю.
Вперед, вперед, вперед,
как будто тороплю
упряжку — самолет.
Долганка я.

¹ Б а р а к с а н — выражение радости, ликования.

Я дочь
седых озер и рек.
Но на большой Земле
я новый человек.

КТО ТЫ ТАКАЯ?..

«Не обольщайся.

Кто ты есть?

В чужую душу хочешь влезть, —
однажды мне сказали грубо. —
Так жить, во все вникая, глупо».

А я — такая.

Я плачу и грущу — смеюсь.
И правду не роняю в грязь.
И дружбой дорожить умею.
В ненастье согреваюсь ею.

Да, я такая.

По лезвию ножа хожу...
И в сердце каждый стих ношу
я наподобие святыни.
Я песнями живу простыми.

Да, я такая.

Не переделаешь...

Маут¹

натягивается, как жгут,
когда оленя заарканит, —
так песня вдруг
мой слух притянет.

Да, я такая.

Я в тундре — вольная — росла.
Плеск Хатанги,
и вздох костра,
и звуки языка родного
мое воспитывали слово.

Вот я — такая.

¹ М а у т — замшевая веревка, аркан, которыми ловят оленей.

Богат долганский алфавит
и звучен. Буква Д трубит,
слова в упряжку собирая:
Долганы, Дьон, Догор...
Я — Дарья.

Да, я такая.

Но нет, не буквою одной
я связана с народом.

Мой

просторный край,
мой светлый Север,
нас временем одним измерил.

И я — такая.

ДРУГ

Неожиданно друг
от беды уберег.
Разомкнул
темный круг
аргишей¹ и дорог.
Разговором простым
он утешил меня.
Пожурил, пошутил,
встала на ноги я.
На упряжке своей,
если нужен, тотчас
прилетит. Веселей
станет в доме у нас.
Ближе солнца он мне,
хоть не ярок на вид.
И надежней горы,
что под боком стоит.
Снег растает... и лед
по весне уплывет.

¹ А р г и ш — путь, расстояние.

Отпадают олени
рога каждый год.
Отрастут, да не те...
В счастье или в беде
только старый мой друг
неизменен всегда.
В дверь — звонок.
В сердце — стук.
И беда — не беда.

СОЧУВСТВИЕ

Стадо свое потеряет олень —
мечется, тычется всюду тогда.
Ягель уже не нужен ему.
И жажду не утоляет вода.

Воздух обнюхивает... Скользит
воздух, как под копытами лед.
Выдохнется, семь земель оббежит —
стадо свое все равно найдет.

И ты на того оленя похож,
Сочувствую. От себя не уйдешь.

Где-нибудь пережидает грозу
майскую... где и теплей и вольней.
Но знаю —
по тундре скучаешь в лесу
пышнозеленом...
По тундре своей.

ОСЕНЬ

Вот и осень пришла.
В поводу за собой
облака привела,
снег и ветер сырой.
Повисает над тундрой,
топыря бока,
словно ньюки¹,
истлевшие облака.
Моют тундру дожди.
Хлещут.
С плоской груди
соскребают тепло.
Дышит грудь тяжело.
Все труднее дышать.
Не под силу, видать,
земному теплу
облака растолкать.
Сквозь прогретые швы
и проплешины туч
на остатки травы
смотрит солнечный луч.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛЕС

Березовый лес, березовый лес...
Овеяны дымкой, поляны светлы.
Дождем зазвенел внезапно апрель.
Опрыснул светящиеся стволы.
Брызнули бронзовые глазки
почек. Проклюнулись лепестки.
Залопотали, шумят на ветру.
Я их ладошки в ладони беру.

¹ Ньюки — олени шкуры, которыми прикрывается чум.

Голову запрокинув, стою
в тихой траве.
Безмятежное, вдруг
небо вздрогнуло надо мной.
Закружились березы вокруг.
За руки взялись, как в танце хейро.
И понеслись, закружились пестро.
В легких одеждах — ярких, цветных,
напоминая долганок моих.
Жизнь замелькала... Над головой
сузился круг бирюзовых небес.
Ты мое сердце разбередил,
березовый лес, березовый лес.

ПЕСНЯ

Откликом, окликом
песня — во всем.
Словно пушинку,
смахнула мой сон.
Не проживу я
без песни и дня.
Что же ночами
тревожишь меня?
Верная, чуткая
отозвалась:
«В чуме затерянном
ты родилась.
Криком зашлась,
как захоркала... и
сразу, притихла,
услышав мои
звуки-слова,
породившие нас.
Я до тебя, до тебя
родилась.

Я разгадала,
наверное, ту
тайную бабушкину мечту —
чтоб не скитаться
по землям чужим,
быть неразменным
приданным твоим.
Хочешь не хочешь,
а не разойдусь
с сердцем твоим.
Полнокровнее пульс
бьется, когда
подключается мой...
Что ж ты умолкла?
Пой, пой...»

В ДЕТСТВЕ

Я выростала из тундровых трав.
Крепла, оленья пила молоко.
Не отбирала у оленят.
Сами они делились всегда.
Великодушные братья мои.
За это ласково «сосунок»
называли люди меня.

То ли от жирного молока,
то ли от колосющихся трав —
порозовели щеки мои.
Пухлыми стали,
похожими на
ягоду спелой морошки. Когда,
сонную голову в мох уронив,
я засыпала на кочке. Во сне
коленями матери
грезилась мне
мягкая кочка. Круто, тепло
было под боком.

А сверху — светло.
Тундра равнинная широка.
С морем сливается, с синью небес
неокольцованных.
Ни ров, ни загон
не останавливали меня.

Я, как песок, кувыркалась по ней.
Пятки взрывали снег и песок.
Связывали суставы мои.
Кости детские крепки. Земля
их напоила соками трав,
теплым, как морда бычка, молочком —
радостная, родная земля.

ПЕСНЯ О СБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЕ

Раньше жил мой народ
чуть не впроголодь. Мерз
в дымных чумах. В снегу
яму рыли и в ней
укрепляли жильё.
Надо было искать,
добывать, промышлять
день и ночь — что поесть.
Дно озер выскребали
сетями, как дно
родового котла.
Пять тайменей поймав,
ликовали пять раз.

А сейчас —
отдыхает старик,
сил не тратит, не тянет
натруженных жил.

Есть теперь у него
в лодке сильный мотор.
А у многих по два:
для далекой езды
и для близкой езды.
Даже третий есть —
про запас.

Ветер, дождь нипочем
быстрой лодке. Везет
прямиком по воде.
Самоходные сани
как будто. Старик
восседает, могуч,
в сапогах и в плаще.

А давно ли и он
шил одежду из шкур.
Спал, охотился в ней...
А снимал дважды в год:
перед долгой зимой
и весной, когда
мылись пеной речной.

В тундре людно теперь.
Будто к нам на Таймыр
все народы сошлись.
Их единый орнамент
на камне цветет.
А из камня сложили
в сотни окон дома.

В январе из-за гор
солнце встанет. Мороз
солнцу щеки надраил —
полыхает огнем.
Как ребенок, оно
удивленно, смешно

озирается — дом
вырос за ночь... Опять
этих мест не узнать.

*

Раньше богу молился
народ мой. Стоял
на коленях пред ним.
Образок под подушку
совали. К груди
прижимали в пургу.

Но и солнцу молились
не меньше. Дары
подносили шайтану,
чтоб утро взошло,
чтоб пурга унялась,
чтоб лихую болезнь
пронесло стороной...

А сейчас мой народ
не молитвы поет...
В многолюдной семье
и казах, и грузин,
и калмычка. В одном
нынче доме живем.
Вся Россия — наш дом.

С белых склонов родных
докатился до нас
древний танец хейро.
Шаг его — круговой,
ритм его — огневой.

Все друг другу
смотрят в лицо.

И казах, и грузин,
и калмычка — когда
в танце встанем в кольцо.

КАЧЕЛИ

Балка дома. Доска.
Взмах. Широкий пролет.
Чудо. Чем не качели.
Пусть качается сын.

Не слаба ли веревка?
Испытаю сама.
Оттолкнусь, раскачаюсь —
Не слаба, не слаба.

Оттолкнулась, смеюсь...
Опрокинулась ввысь...
Голубб-голубб,
глубоко-глубоко.

Сын смеется внизу,
белозубый мой сын.
Бьет в ладоши малыш.
Тоже хочет летать.

Далеко-далеко
осталась земля.
Широко-широко
распахнулся простор.

Неба властный призыв
к высоте, к чистоте.
Как хочется жить
чисто, смело, светло!

Только б наши глаза
дым войны не затмил.

Только было бы чем
нашим легким дышать.

Белозубый мой сын!
На качели садись.
Падай вниз и взлетай.
Долго-долго живи,
не сотрутся пока
твои зубы совсем.

РУЧЬИ И КАПЕЛИ

Пробуравили ручьи
в голубых снегах туннели,
и помчались, и запели
песни чистые свои.
Их серебряные всплески
под горою, над рекой,
будто звонкие подвески
на долганке молодой.
Перевертываются, всплывают
льдины... В салочки играют
или с треском на таран
сходятся. И удирают
друг за дружкой — в океан.
Легкий воздух стал нежнее
лебединого крыла.
Люди встречные — стройнее,
вежливее, веселее.
Юная весна вошла
в щели каждой подворотни,
в каждый постучалась дом.
О весне
пишу охотней,
чем о времени любом.
Потому что отогрета
ею — о тепле пою.

НОВЫЕ ПРИМЕТЫ

Над прозрачными лесами
гуся гукают... Весны
свежеструганые сани
граем, гоготом полны.

Как на ярмарку, слетели,
прикатили с облаков.
На хвосте сырой метели
снег вспорхнул и — был таков.
Всюду склоны порыжели,
словно вытерты с боков.

Первый дождь из тучки выпал,
до земли не доскакал.
Мох его по капле выпил,
по дождевке расклевал.
Раскололись, раскрошились
льды,
как будто лбами шиблись.

В океан, темневший хмуро,
двинулась река, светла.
И весна на лед вспорхнула
и туда же поплыла.

ВСЕ РАДЫ СОЛНЦУ

Новые радости, новые заботы.
Солнышку привалило работы.
Оголилась у сугроба спина.
За зиму крепко промерзла она.

Потемнели горки,
заневестились почки.

Под белым капюшоном —
зеленые платочки.

Ребятишки на шкуре оленьей
кувыркаются,
как на цирковой арене.

Тут же и олениа
радуются, как ребята.
Не убегают
из своего веселого детства.

А взрослому стаду, как известно,
под солнцем тесно.
Взрослые шумят,
словно гуси,
собравшиеся в одно место.

Снег отступает,
сдается на милость.
Трава на проталинах
уже появилась.

Первые травинки
бегут по дорожке.
Ловят солнечных зайчиков
в свои ладошки.

*

Как лед полыхает от ярких лучей,
так я расцветаю в счастливые дни.
Целуй меня крепче, целуй горячей.
Любви
неразвезанный запах вдохни.

Играют, переливаясь, снега.
Им жарко бывает студеной зимой.
Пускай залепляет окошко пурга.
Приди, мое солнышко, ласковый мой,
приди...

ГРОЗА

Навалилась на землю
гроза животом.
Захоркал, захрюкал
рассерженный гром.
Ветка молнии ткнулась
в урочище мха.
Ветер северный дует
в большие меха.
Видно, силится
слабое пламя раздуть.
Искры сыплются.
И растекается ртуть.
Как собака оленей
сгоняет в стада,
так гроза — облака.
Грозовая страда.
Стало душно, как в чуме.
И сразу темно.
Будто кто-то закрыл
вытяжное окно.
Ураган этот вряд ли
утихнет к утру...

Горло старой гагары
хрипело в жару
беспощадного лета.
Досталось же ей!
Дождалась горемыка
прохладных дождей.

Словно камус¹,
отмякнула глотка ее.
про свое; про свое...
про свое; про свое...

РЫБАЛКА НА ХАНТАЙСКОМ ОЗЕРЕ

Вода прозрачна, как в ведерке.
Глубокое струится дно.
Играет рыба. Сети, зорки,
косяк заметили давно.

Роятся звезды. Смутным блеском
они тревожат тишину.
Шарахается рыба с плеском
от звезд, влетающих в волну:

Звезда и рыба разминулись.
Сольются ли когда-нибудь?..
И сети грузные прогнулись
и светятся, как Млечный Путь.

Ночь на удачливом Калане²
прохладна... Человек иль куст
там замер?.. Рыбаки — в тумане.
Их котелок не будет пуст.

ДИЛЬМАКИТ

Рыбное озеро — Дильмакит.
И печень тайменя
все равно — дильмакит.

¹ Камус — мягкая полоска кожи с оленьей ноги.

² Калан — местное название озера. На эвенкийском языке — котел.

Мыс, похожий
на толстый чулок.
Чутко лодчонка
уткнулась в песок.
Живет на озере
старый рыбак.
Ловит тайменя.
Курит табак.
Дымом прокурены
тысячи дум.
Так же, как шкурами,
обложен чум,
сетями озеро обложил
запасливый
седой старик —
старожил.
В углой лодчонке его
каждый день,
как в люльке,
покачивается таймень.
Катится солнце за горы
и там
долго оглядывается
по сторонам.
На сопку,
отмеченную давно,
как на подушку,
ложится оно.
Уснул и рыбак.
Усталость взяла.
Во сне растворилась.
Забылась.
Ушла.

НА РОДИНЕ

В сиянии льда,
в пуховом сугробе
белая медведица родила медвежонка.
Выпестованный дыханием океана
рос медвежонок.

За хребтом Бырранга, на северном склоне
родилась и я — в ледяной колыбели.
В наших незащищенных просторах
холод не страшен.

Однажды я обморозила руки.
Снегом их поскорее растерла.
А летом прикладывала часто
нагретые камни.

Словно олень зализал.
Руки
на третий год здоровыми стали.
Борется человек, как может,
за жизнь. И мужает.

Тундру избороздил мой народ, как пашню.
Нищету одолел и голод.
Сто болезней испытал на собственной шкуре,
родину не покинул.

Травы на родине всегда приласкают.
Не накормят, так хоть напоят водой.
А если в белое безмолвие канешь —
снега согреют...

Цапает цепко за пятки
ветер, пытаясь свалить...
Крикнет — сыграем-ка в прятки,
буду водить!
Как устоять, победить?..

Где уж мне мериться силой
с этим залетным верзилой.
Пусть побеждает легко.
Как устоять... Если милый
мой
далеко-далеко...

ПОРЫВИСТЫЙ ВЕТЕР

Чистое высокое небо
царапнула черная туча.
Песцовые снега смахнула
со склона, а ветер — вздыбил.
Ринулся порывистый ветер,
распоясался, развеселился.
Швыряет горстями в лицо
и снег, и траву, и сучья.
Вздогнул мой олень. Замер.
Мгновенно капо¹ задубело —
не повернуть головы. Мгновенно
шерсть будто льдом сковало.
Будто гром рокотнул в долине,
промчался, пробормотал ветер
слова озорные. И сгинул.

И тотчас взорвалось солнце.
И землю, смеясь, озарило,
окрасило песцовые склоны.

¹ Капо — верхняя одежда.

*

Лучше других помнишь,
как имя звучит.
Лучше других слышишь,
как сердце стучит.
Пламя ладоней
чувствуешь лучше других.
Не посторонний...
И больше: роднее родных.
Так же, как огненный шар
припадает к земле,
я к широкой груди
твоей наклонюсь.
Тенькает пеночка тонко
на ранней заре.
Тикает-стукает,
тикает-стукает
пульс.

Верю, что любишь.
А в большой не верю зарок.
Счастье свое сохраню,
как в грозу ветерок.
Может, согреет...
Особенно — в темные дни...
Каждый, кто рядом,
ладони к огню протяни.

ОБИДА

Воспаленно, тревожно
горит горизонт.
Отпылал и погас.
И река разлилась
в этом месте. Вода
смыла все без следа.
На душе отлегло.
Стало тихо. Светло.

«Жди меня на горе», —
так сказала она.
На высокой горе,
на шелковой траве.

Хорошо мне идти,
подниматься туда...
Я иду и смотрю
не под ноги, а ввысь.
Там прохлада нежна,
там желанная ждет.

Вот она, наконец,
та поляна... не та?..
Нет, наверное, та...
Никого-то здесь нет...

Жду, надеюсь, брожу
оленинком... Обрыв
не пугает меня.

Вновь померк горизонт.
Стало небо седым.
Безнадёжно седым.

Потемнела душа.
Бездна отозвалась
долгим эхом глухим:
— Твоя любимая
ушла с другим...

Что ж, обида пройдет...
Пусть другой подождет.
С ним теперь пошути.
Как расколотый лед,
стынет сердце в груди.

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Нелетная, видно, погода.
Жду не дождусь самолета.
Затягивает от перевала...
Глаза проглядела. Устала.
Облака опускаются грузно.
Темнеет. И также грустно
становится на душе.
Не прилетит уже.
Но вот живой огонечек
замигал на мачте. Хлопочет
морзянка и вторит хрипло.
Сердцем к нему приникла.
Мигай, мигай, красноокий,
такой же, как Марс, далекий.
Нас огненной строчкой свяжи.
Самолету путь подскажи.
Разъяснилось... Темное небо
смотрит высоко и немо
на звездочку — на Земле.
И, может быть, улыбается мне.

*

Будь счастлив.
Грусти, да не шибко.
Приблизь к лицу твоему,
как падающая снежинка,
канувшая во тьму.
Прощай же...
а не до свиданья.
В последний, наверное, раз...

Как северное сиянье,
прильну
и отхлыну от глаз.

САМОЛЕТ УЛЕТЕЛ

Покружил самолет
и растаял, исчез.
На безоблачном небе
оставил порез.
Словно трещина,
перечеркнувшая лед.
Покружил и растаял
родной самолет.
Никого на равнине
заснеженной нет.
Только женщина
горестно смотрит вослед
самолету,
царапнувшему синеву.
Безразлично
прислушивается к своему
опустевшему сердцу
и к боли тупой.
Опустевшее
может сродниться с тоской.
Раствориться
и тоже уйти в небеса...
Долго-долго стоит...
И большие глаза,
отражая, вбирая
простор ледяной,
постепенно затягиваются
голубизной.

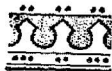

НЕВОЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

Жизнь меня по-разному встречала.
Было время — бурно привечала.
Были дни — исподтишка гнала
вон — из приютившего угла.
Приходилось мне с горой бодаться...
Локти грызть, слезами умываться,
проклиная собственную жизнь...
А она: «Карабкайся, держись!
Ты же знаешь, я не вся такая.
Я — богаче: добрая и злая.
Полюби несладкую меня,
доживешь и до иного дня.
Кто нужду, обиду превозмог,
будет крепок, как олений рог.
Я тебя спасаю, может быть...
Научись за все благодарить».

ВЗГЛЯД

Ни ропота и ни стога,
ни слова не слышу...
Лишь
смотришь настороженно,
косо глядишь.
Губы пепельно сжаты.
Кто ты — родной, чужой?..
Что ж ты молчишь?
Куда ты?..
К другой?..

ПЕСНЯ ОЛЕНЕВОДА

В черное небо — угля черней —
пыхает пар из оленьих ноздрей.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

Будто на крыльях, олени мои
мчатся по насту — копыта-кремни.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

Кованых я не вожу сундуков.
Негде мне прятать жемчужины слов.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

Песни за пазухой жить не хотят.
С ветром попутным по тундре летят.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

В долгие-долгие ночи и дни
сами в дороге сложились они.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

Песни мои — как условленный звук.
Тотчас олени сбегаются в круг.

Хэй-хэй-хэй-хэ-хэй!

КТО ЗНАЛ?..

Преданность наша былая...
В детстве, со мною играя,
ловкий, как все, мальчуган,
метко ты бросил аркан.

Я расцвела, повзрослела...
Ты мне кольцо подарил.
Жили, не зная предела
счастью. Однако же был
где-то предел.
Пролетали
дни...

Зарастали травой...
Мы их на древнем паскале¹
не отмечали с тобой.

Свойственно ошибаться
узнавшему счастье в лицо...
Может аркан оборваться,
узел тугой развязаться
и закатиться кольцо...

ЕСТЬ ПОВОД...

Пустые ведра я взяла.
Как будто по воду пошла...
Приметит ли любимый мой,
что я стою на берегу?..

Далёко лодочка плывет.
Я вижу, это он гребет.
Его неторопливый взмах
я и в тумане отличу.

А мать глазастая — не лень
следить — схватилась за ремень
и на́ берег. Про ведра вмиг
забыла я и в лодку — прыг.

Я от ремня убереглась.
Кого хотела — дождалась.
Но неустойчивый челнок
не спас двоих, не уберег.

¹ П а с к а л — деревянный или костяной зубчатый численник. День проходит, зубчик срезают.

И то на пользу, может быть...
Промокли, не успев отплыть.
Прошелся хлесткий ремешок,
приплясывая по спине.

Прощай же, ненаглядный мой...
Нашла я ведра и — домой.
Пришла домой, а в них вода
черным-черна от комаров.

Кто ж грязную такую пьет!
Пускай же мать меня прибьет —
помчалась, как на крыльях, я.
Теперь уж точно — за водой.

Есть повод, и наверняка —
увидеть милого дружка.
Есть повод!

РАДОСТЬ

Монотонно гудят
самолета винты.
Я увидела землю
свою с высоты.
И, восторга тогда
не умея сдержать,
я по ней, будто в детстве,
бежать и бежать
захотела... И сердце
забилося в груди,
будто дикий олень,
понеслось впереди
по тундре,
по тундре,
по тундре...

Мне понятен ее
сокровенный узор
разноцветного меха
и зыбких озер,
чье приветствие
в медленном вздохе волны,
поднимающемся
из голубой глубины,
слышу я,
 слышу,
 слышу...

Будто съехали сани
с пологой горы —
самолет приземлился.
Земные дары
протянула мне тундра —
гирлянды цветов,
ленты трав шелковистых...
Но гул от винтов
все еще заполнял
потревоженный слух.
Я на землю сошла
неуверенно. Вдруг,
тишина обступила.
И ветер вздохнул,
и навстречу простору
меня подтолкнул —
в голубые объятия
высокой любви.
Я с цветами и травами,
будто с людьми,
говорю —
только песней,
 песней...

НЕ УБЕГАЙ!

Четырех оленей надежных запряг.
С места рванулся — не убегай!
Снежные комья бьют по лицу.
Что мне до них!

Запах упряжки твоей... По нему
лишь узнаю ускользящий след.
Ночью настигну, сон разомкну.
Не убегай!

Не затворяйся ни ночью, ни днем.
Не забывай свидений своих.
Вот уже — близкая — впереди...
Не убегай!

Краем глаза слежу... Оттого,
наверное, стали раскосы глаза.
Ищу тебя. Вытянулся, как хорей.
Отзовись, отзовись...

ОЗЕРО И ГОРЫ

Горы высокие подпирают
небо. Обманываться не спеши.
Может быть, небо их подминает...
Видишь, крутые вершины блистают,
словно отточенные ножи.
Словно невидимая рука
снизу вонзает их в облака.

Месяц над озером, как бака¹,
свесился после утихнувшей бури.
Волны исчезли, как складки на шкуре.

¹ Б а к а — серпообразный инструмент для обработки меха.

Шкура Хантайская широка...
Гладкая, гладкая...
Та же рука
в шкуру вшивает нитку лазури.

В НАШЕЙ ТУНДРЕ ГОВОРЯТ

*

Мешая в стакане чай,
неволью ложкой звякнешь.
Муж и жена точно так
без мелких ссор не живут.

*

Прошрое неискоренимо
пробивается и сквозь руины.
Ни правду его, ни ложь
руками не отведешь.

*

У лодыря сердце стынет,
а язык, как пламя, трепещет.

*

От мороза спасают не рукавицы,
а жаркая работа.

*

Сплетни и пересуды
всегда беззубы,
хотя и больно кусаются.

*

Добычливая охота:
спать да потягиваться.

*

Своя еда
не приестся никогда.
В гостях плотно поел,
да не сытно.

*

От больного места руки не отнять;
от любимого друга глаз не отвести.

*

Ну и подхалим,
скользкий, как налим.

*

У сквернословия изо рта
слова прыгают, как лягушки.
Пусть заткнет его
хоть куском мяса.

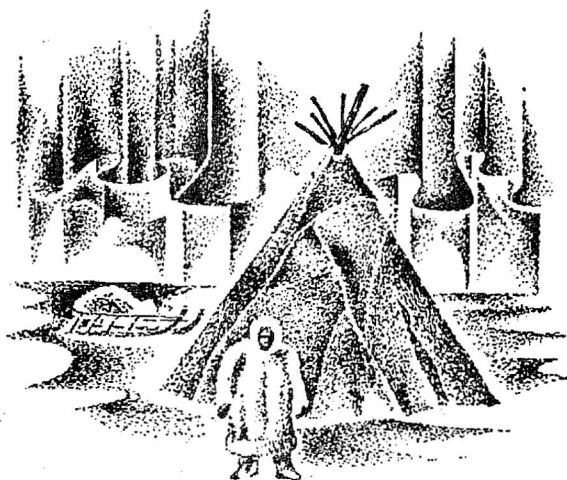
*

К честному человеку
и соринка не пристает.

БАХЫРҒАС

ПОЭМА

*

Искра шутки,
морозная россыпь стихов.
Прибаутки, загадки,
осколки и завязи слов,—
вы в крови у меня.
Вдох и выдох, простора глоток...
Ваша музыка — ветер
кочевий моих и дорог.

Ваш ритмический танец
блуждающий — мне ль не узнать...
Так входите и здравствуйте!
Не позволявшие спать
и мечтать на бегу
по сыпучему склону хребта.
Вы — мой посох в руке,
без которого бег — маета.

Вы задумались, затосковали о чем?
Ваши всплески и всполохи
сходятся в сердце моем,
там, где хрупкая веточка
впаяна в глубину льда.
Так давайте же вместе
оттаим ее навсегда.

*

Лес на северном склоне
песцового меха теплей.
Серебрится опушками,
ластится, как воротник.

Подступает полярная ночь
все тесней и тесней.
Десять чумов
укутает на зиму в свой меховик.
Десять чумов,
один затерявшийся род,
приютил на зимовку
затишенный северный склон.
На озерах поставили сети:
полярка¹ не ждет,
подступает...
Как кровь добавляют в бульон.
Горемычных кочевников
горе теснит по пятам.
То ли с неба обрушилось,
то ль из могил проросло.
Мор на стойбище
щупальца распластал.
Смерть и ночь над снегами
одно распростерли крыло.
Горе чисто метет...
С каждым днем
прибавляя больных.
Богу молятся скрючены,
словно живые крюки.
И за что эту кару
господь насылает на них.
Боже, милостив будь...
Прости, защити, помоги...
Робко шепчет Ныкы,
отгоняя от люльки болезнь.
От родного младенца
подальше — к безвестным, к чужим...
Говорит она — много детей
у соседей, за озером, есть.

¹ П о л я р к а — полярная ночь.

Все вповалку лежат.
Дух болезни, наведайся к ним...
Ох, и лихо метет...
На гробы не хватает досок.
Пойдут на гробы
и щелястые доски с саней.
Вносят идола в чум.
В рот суют ему лучший кусок.
Мажут салом лицо,
может, станет чуток подобрей.
Ох, и лихо метет...
Молодая вдова умерла.
Голосят старики:
«Кто детей воспитает твоих,
если живы останутся...
Солнцем для них ты была.
К незакатному солнцу
теперь уже выведи их»¹.
Дух болезни кочует,
качаясь на красных ногах.
Шаг шагнет — пролетит
расстоянье в четыре луны.
Повергает народы в смятение.
Кровь на рогах у оленей его
и косматые морды красны.
Как ломают на дереве сучья,
бросая в костер,
так и жизнь человека растет
и ломается вдруг.
Дух болезни свиреп,
но зато сокрушительно скор,
никому из людей не сулит
продолжительных мук.
Солнце спряталось.

¹ Долганы верили в бессмертие души и с мертвыми разговаривали, как с живыми. (Примеч. авт.)

Осиротела земля.
Над пустынной тундрой
сгустилась полярная ночь.
Свет короткого дня
уже, чем у аркана петля.
Прочь
от этого места жилого,
проклятого — прочь!
Ниже откочевали.
Далеко от верховья ушли.
Дух болезни отступит,
и вернутся к могилам родным.
На стойбище новом
орлиные перья зажгли.
Чтобы чисто жилось —
янтаря очистительный дым.

*

Не гости ли едут?..
Погонщика крик...
Поднял отягченные
веки старик.
И полог откинул.
И взглядом обвел
пространство. И встал,
и навстречу пошел.
Вдали от жилья,
на равнине пустой
он гостя приветствовал
окриком: «Стой!»
И чтобы зараза
узнать не могла
приезжего, чтобы
саней не нашла,
сам встал против ветра.

И слезы из глаз
вдруг брызнули больно.
— Стой! Горе у нас...
Какая нужда
привела тебя, брат?..
Не мешкай, назад
возвращайся... Назад...
Пурга забрасает
приметный твой след.
И ты до поры позабудь.
На тот свет
мы, кажется, все
откочуем... Пяти
семей уже нет...
Не успеют спасти
большие снега.
А весной, может быть,
приедешь
последнего хоронить.—
И гость поспешил
попрощаться скорей.
Расправил уздечку.
И поднял хорей.
Что мог он ответить?
Ответил, как мог,
и ветер отнес:
«Да поможет вам бог...»
Рванулись олени.
И вот уж летят,
как испуганные куропатки.
Скрипят
полозья надрывно,
надсадно, взахлеб.
И всхлипывает
за сугробом сугроб.

*

Соседей встревожила
черная весть.
Злой дух вездесущ.
Он объявится здесь.
Как только несытое
брюхо набьет...
Зовите шамана,
скликайте народ!

*

Три дня готовился
к камланию шаман.
Певчие обряжали его.
На замшевом фартуке с бахромой
щелкунцы поблескивают и гремят —
отзывчивые на каждый вздох.
Копыто из бивня на правой ноге.
На левой — медвежьи когти. Чтоб был,
как мамонт, могуч
и свиреп, как медведь.
Крепки, как бивни, у шамана рога.
Со многими злыми духами он
сразился, землю копытом втоптал.

Весь род собрался вокруг костра...
И вот — яростно метнулся шаман,
будто матерый бык закружил.
Мышью серой оборотясь,
всех обнюхивает,
ищет болезнь.
— Эээй, духи-друзи, летите сюда!

Громко гагара отозвалась.
Раздался ее горловой ку-кар-лик.

По чуму гагарой заметался он.
Чуть не свалил чум.
Упал,
как подстреленный, около очага,
угли красные стал глотать.
Под бубен, грянувший громом, запел...
«Дух болезни, к ногам пади.
Алаэй, алай,
Алаэй, алай...
Дух болезни, мой гнев не буди.
Алаэй, алай,
Алаэй...»
Певчие насторожились,
сигнала ждут,
готовые подпевать ему,
слушают — уши торчком.

Песня шамана

Ш а м а н: Жил в тундре великий шаман.

П е в ч и е: Жил в тундре великий шаман.

Ш а м а н: Сильный, луноликий шаман.

П е в ч и е: Сильный, луноликий шаман.

Ш а м а н: Весь мир был подвластен ему.

П е в ч и е: Весь мир был подвластен ему.

Ш а м а н: Солнца никто не застил ему.

П е в ч и е: Солнца никто не застил ему.

Ш а м а н: И только молодая жена

П е в ч и е: И только молодая жена

Ш а м а н: была ему не верна.

П е в ч и е: была ему не верна.

- Ш а м а н:** Сгнула однажды. Как будто и след
пропал,
- П е в ч и е:** Сгнула однажды. Как будто и след
пропал,
- Ш а м а н:** но шаман ее отыскал.
- П е в ч и е:** но шаман ее отыскал.
- Ш а м а н:** Будь проклята и ты, и твой род!
- П е в ч и е:** Будь проклята и ты, и твой род!
- Ш а м а н:** Куда бы ни спряталась, каждый год
- П е в ч и е:** Куда бы ни спряталась, каждый год
- Ш а м а н:** я очаг твой разворошу,
- П е в ч и е:** я очаг твой разворошу,
- Ш а м а н:** землю вытопчу, заглушу
- П е в ч и е:** землю вытопчу, заглушу
- Ш а м а н:** шелест листьев и птиц полет.
- П е в ч и е:** шелест листьев и птиц полет.
- Ш а м а н:** Мышь поблизости не промелькнет.
- П е в ч и е:** Мышь поблизости не промелькнет.
- Ш а м а н:** Гнилушка будет подушкой тебе,
- П е в ч и е:** Гнилушка будет подушкой тебе,
- Ш а м а н:** сырые доски — одеялом тебе.
- П е в ч и е:** сырые доски — одеялом тебе.
- Ш а м а н:** Черная болезнь к черной земле.
- П е в ч и е:** Черная болезнь к черной земле.
- Ш а м а н:** Заройся в золе.
- П е в ч и е:** Заройся в золе.

*

Разгоряченный вышел на снег.
Иней лицо опушил.
Пестрого оленя велел поймать,
зарезать
и голову на восток повернуть,
откуда прилетела черная весть.
«Пускай злой дух оленя сожрет.
Насытившись, уползает пускай!»

А утром — в разные стороны все
разъехались, разошлись.
Пересеклись,
петляя, следы,
чтоб никого не нашел злой дух,
чтоб заблудился и в тундре замерз.

*

На стойбище дальнем
под полозом наст не скрипит.
Не лижет огонь
закоптелое днище котла.
Пурга все следы замела,
не ошибся старик.
Положены рядом,
как мерзлые рыбы, тела.
Олень одичалый
пугливо ушами прыдет.
Оком опасно косит
на шорох, туда...
На голос охрипший,
который кого-то зовет,
который уже покрывается
корочкой льда.

Пора бы уж солнцу
над мертвой пустыней вставать.
Пора бы соседям проворным
сюда поспешить.
Семилетнего сына
зовет ослабевшая мать.
Ей тоже осталось недолго
под пологом жить.
Семью за семью,
как веником, смерть подмела
почти подчистую...
Еще в уголке поскрести...
Что ей заклинанья
и жженные перья орла!
Под корень смахнула весь род,
подчистую почти...
От страха и слез задыхаясь,
остался один...
единственный мальчик...
Кресало нашел и кремень,
и высек огонь,
и в жилище фитиль засветил.
Над тундрой
уже поднимался
занявшийся день.
Он слышит — подъехали люди.
Шаги, голоса.
Но — матери нет...
И отца не слышать среди них...
Как будто гусенок под кочкой,
зажмурил глаза
и в шкуры от света
зарылся,
забился,
затих.

*

Прошляпила смерть.
И чужая семья
его приютила
в тот день, как своя.
Он грубого слова
в семье не слышал.
Он матерью
мачеху называл.
Отец же приемный,
что мальчика спас,
дал новое имя ему —
Б А Х Ы Р Г А С.
Известная, громкая
кличка собак.
Дух смерти
не опознает никак
теперь сироту.
Если сунет свой нос,
подумает,
что Бахыргас это — пес.

*

В тундре бескрайней пропасть,
как иголка во мху.
Отчим однажды уехал
из дома в пургу
и не вернулся.
А дня через два — обещал...
Мальчик, у камелька
на корточках сидя, шептал:
— Дедушка, добрый огонь,
разгорайся жарчей.
Сала поешь
и отца моего отогрей,
если он где-то
в глубоком сугробе застыл...—

сало бросая в огонь,
Бахыргас говорил.
Тявкнет собака,
уж он выбегает скорей.
Все ему чудился скрип
подъезжавших саней.
Топот оленей
как будто слышал за версту.
За день по несколько раз
выбегал в темноту, в пустоту.
Всякому плохо
расти без отца... Сироте
хуже вдвойне.
Не отбиться: беда на беде.
Как-то играли в снежки.
Он хоть мал, да удал.
Бил далеко и без промаха.
В ногу попал
сыну скандального бая.
Бай выскочил —
ярость в лице
ржавчиной запеклась.
Осмелился бы при отце
уши крутить Бахыргасу
и мять, словно мял
кожу подошвы!
Как пьяная баба, кричал:
«Ух ты, щенок,
не к добру ты явился
из черной земли!
Чтоб тебя смерть проглотила,
снега замели».

Вырвала еле бедняжку
из рук палача
мачеха,
потерявшая мужа — Кыча.

*

Много снегов сошло с тех пор.
Вырос, возмужал Бахыргас.
Друга своего сватом шлет
к далекой невесте Белу.
Мальчик, которому пять зим,
братец невесты Бакыт,
бросился дорогого гостя встречать
с собаками наперегонки.
Светло и сухо в широком балке.
Старуха оленье жилы сучит.
Белу нижет бисер. Сошьет
летом богатую парку¹ себе.
Не знают, зачем пожаловал гость.
Угощают. Чай кипятят.
Блюдо с мясом сосед несет.
Диких оленей накануне убил,
добычу поделил на всех.

Радуетя быстроногий Бакыт:
«Когда я стану большим-большим,
я сам оленей своих запрягу,
переметы буду ставить сам.
Щенок мой, видите, как попрос,
стал выше моего сапога».
В блюдо, которое сосед принес,
юколу накрошила Белу.
Нельзя возвращать посуду пустой

*

Искра шутки,
морозная россыпь стихов...
Прибаутки, загадки,

¹ П а р к а — верхняя нарядная одежда.

летучие всполохи слов —
мы в крови у тебя.
Вдох и выдох,
простора глоток...
Наша музыка — ветер
кочевий твоих и дорог.
Мы во многих домах
без тебя побывали в гостях.
И, как рифма — две строчки,
иную скрепляли семью.
Кое-что понимаем,
однако,
в сердечных делах.
Помогали Ньюкуту,
он выполнил просьбу
твою.

Это мы на часок
проводили старуху к родным.
Усыпили Бакыта,
чтоб не мешал молодым.

*

Протянула девушка
Ньюкуту барган:
— Сыграй, если хочешь,
зачем приехал, скажи.

— Песнями
переполнен мой рот.
От Бахыргаса
песню привез.
Он просил передать.

Песня Бахыргаса

На оленях я мчался
с ветром вперегонки.
Обогнул девять мысов реки.
Вдруг обжег меня в бешеном танце хейро
насмешливый взгляд, как тавро.
Уж не ты ли мне посланная судьбой?..
Танцевал я рядом с тобой.
Как в озерах, в глазах твоих, помню, нырял.
Находил их и снова терял.
С ресниц твоих, если увижу опять,
можно, буду снежинки сдувать?
Чистый запах березовый
я впервые узнал,
когда веток в костер набросал.
Точно так и тебя — полюбил и постиг
в быстром танце в тот миг.

*

«Песня кончилась, — улыбнулся Ньюкут, —
но еще просил передать:
все, что держится на земле,
корень имеет свой.
Те, что выше земли поднялись,
имеют гнезда свои.

Вот тебе от Бахыргаса кольцо».

Захолонуло, забилося сердце ее...
Как северное сияние занялось,
Отвечала песней она.

Песня Белу

Одеяло белое
эй-дан-эй
свернуть не успела я
эй-дан-эй.
Колокольчиковый звон
эй-дан-эй
услыхала я сквозь сон
эй-дан-эй.
Голубушка губарка¹
эй-дан-эй
не ждала подарка
эй-дан-эй.
Скрип березовых саней
эй-дан-эй
прямо к спальнке моей
эй-дан-эй.
Гляжу — под снегопадом
эй-дан-эй
два оленя рядом
эй-дан-эй.
Черный вскинул голову
эй-дан-эй,
белый смотрит в сторону
эй-дан-эй.
Милого встречаю
эй-дан-эй,
заварила чаю
эй-дан-эй.
Ну, смелее, что ж ты...
эй-дан-эй.
Жду, когда войдешь ты
эй-дан-эй.

¹ Г у б а р к а — часть упряжи, к которой крепятся бляхи и колокольцы.

Отчего же дверь открыл
эй-дан-эй
тот, который был не мил.
Эй-дан-эй.
Я его смутилась
эй-дан-эй,
сердце затворилось
эй-дан-эй.
Откроется одному
эй-дан-эй
Бахыргасу славному
эй-дан-эй.

*

Мы запомнили всё
из твоих разговоров и снов:
прибаутки, загадки,
летучие всполохи слов —
мы в крови у тебя.
Вдох и выдох —
простора глоток.
Наша музыка — ветер
кочевий твоих и дорог.

Мы подскажем тебе,
как другие невесты поют.
Как, глупея от счастья,
влюбился в Кычynu Ньюкут.
Та невеста и вправду
была хороша, но — строга.
Косы шелковые по спине
распластались,
как будто рога.

Дорогие подвески
касались ее головы.

И оборки на платье,
как бабочки в гуще травы.

Пялил смелый Ньюкут
на нее, как на чудо, глаза,
на брусничины губ...
Не влюбиться в такую — нельзя.

*

Девушки, торопитесь,
наряжайтесь краше.
Юноши не дождутся,
уйдут к другим...
По накатанной широкой дороге
проносится оленья упряжка —
на свадьбу,
на свадьбу,
на свадьбу,

лежишь ты или стоишь,
всех зазывают на свадьбу
славного Бахыргаса.
Поставили чум высокий,
просторный — вполтундры обхватом.
На низких столах посуда
пляшет, будто хмельная.
Мясо в котлах клокочет,
прыгает, как шаман.
Толченая рыба из чашек,
икра, залитая жиром,
так и просятся в рот.
Чайник пузатый пышет
и фыркает на огонь.
Сначала детей накормили.
Мгновенно со стола исчезли
вареные языки.
Будто олень прожорливый
их со стола слизнул.

Сияют, как лед, тарелки.
Потом молодежь отведала
свадебных лакомств.
(Молодоженам из одной миски.)
Потом уже, неторопливо,
накрыли стол старикам.
Тает во рту строганина.
Сугроб на столе тает.
Сугроб золотой на блюде
жареной рыбы.
А на улице засверкал танец.
Выходят хмельные гости.
Хорей взметнулся,
как спица.
Народ вокруг него толпится.
Веселое колесо танца
наматывает на себя гостей.
Стало жарко Ньюкуту.
Шапку снял и закинул в небо.
Упала шапка точненько
на макушку хорей.
Блещет бисером или
запорошенным снегом.
Дети скачут на одной ножке:
кто дальше.
В снег плотный рога воткнули,
набрасывают маут.
И взрослые, будто дети,
плюхаются с горы.
Наваливаются горой на шкуры.
Гора с горы едет.
А у девушек своя потеха.
Олений хвост разрубили,
положили на снег кусочки.
Зовут собаку.
Чей кусочек ухватит первым,
та первая выйдет замуж.

Но — собака сыта по горло.
Нюхнула и нос воротит.
Видно, всем вам, красавицы,
вековать в старых девах.
Раскаленное кольцо хейро.
Снег вытоптан до земли.
Пар от пляшущих, как из котла.
Окружили свадебный чум,
охххххнули...
и рассыпались вмиг.
От полога до дверей балка
шкуры выстелили —
пышный мех, как мох.
За руки взялись
Бахыргас и Белу.
Новый очаг разжечь
в новом баяке.
Одеяло песцовое ждет молодых
и ведра, полные чистого льда.
Источенная, как ножницы,
старуха встречает их:
— Долгий свой век
я вам подарю. —
Словно камень, обросший мхом,
встречает дряхлый старик:
— Тысячу дорог оставляю вам,
по которым ходил.
Пусть замерзший
отогреется здесь,
голодный — сытым уйдет.
Как нитка к иголке,
пусть люди тянутся в этот дом.

Искра шутки,
 морозная россыпь стихов.
 Прибаутки, загадки,
 летучие всполохи слов —
 мы в крови у тебя...
 Вдох и выдох,
 простора глоток.
 Наша музыка — ветер
 кочевий твоих и дорог.
 Мы заметили —
 крылья
 жена одному,
 а другому — хомут.
 Все мы видим,
 мотаем на ус,
 как наматывают маут.

Мы счастливую свадьбу
 играли с тобой не одну.
 Это мы подвели
 чуть не к самому носу Ньюкута
 жену.
 И на свадьбе его
 танцевали отчаянно,
 песней звеня.
 Аж на пятках мозоли набили,
 не спали три дня.

Мы расскажем тебе,
 как прожили нелегкую жизнь
 эти семьи.
 Они, словно звенья, сошлись.
 Породнились,
 женив своих первенцев —
 сына и дочь.

Мы расскажем тебе,
чтобы ты на бумаге точь-в-точь,
буква к букве
связала узлом наш подробный рассказ,
как остался твой род,
как его сохранил
Бахыргас.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя тундра	5
Талые воды	7
Высокая колыбель	7
Бэйэткон	8
Оленьи гонки	9
Я лежу на горе	10
Ведут газ	11
Зима наступает	12
Не лишнее напоминание	12
Торопятся диких оленей стада	13
Древний обычай	14
Дудинка	15
Ангарским друзьям	16
Обычай моих земляков	16
Признание в любви	18
Кто ты такая?..	19
Друг	20
Сочувствие	21
Осень	22
Березовый лес	22
Песня	23
В детстве	24
Песня о сбывшейся мечте	25
Качели	28
Ручьи и капли	29
Ранняя весна	30
Новые приметы	31
Все рады солнцу	31
«Как лед полыхает от ярких лучей...»	32
Гроза	33
Рыбалка на Хантайском озере	34
Дильмакит	34

На Родине	36
Порывистый ветер	37
«Лучше других помнишь...»	38
Обида	38
Нелетная погода	40
«Будь счастлив...»	40
Самолет улетел	41
Невольные советы	42
Взгляд	42
Песня оленевода	43
Кто знал?..	43
Есть повод...	44
Радость	45
Не убегай!	47
Озеро и горы	47
В нашей тундре говорят	48
Бахыргас	53

Аксенова О.

А42 Талые воды: Стихи и поэма: Пер. с долган. — М.: Сов. Россия, 1989. — 80 с., ил.

Первая долганская поэтесса воспеваает природу и людей родного края, близкую и любимую ею тундру, где «сполохами северного сияния играет темный небосвод», где крепко работают «ее тундровики: отважные каюры, охотники, стрелки, где от теплой воды оживают цветы и молодеют старики, куда из богатых заморских краев летят птицы, чтоб нянчить птенцов у студеных потоков». В стихах поэтессы много национального колорита, в них свежо и ярко оживают народные обычаи, приметы и традиции.

А $\frac{4702190200-071}{M-105(03)89}$ 185—89

С(Як)2

ISBN5—268—00230—9

Огдо Аксенова
(Евдокия Егоровна Аксенова)

ТАЛЫЕ ВОДЫ

Редактор
Е. Н. Имбовиц
Художественный редактор
Л. Е. Безрученков
Технический редактор
Г. П. Мартьянова
Корректор
Н. М. Арсенина

ИБ № 5358

Сдано в набор 10.06.88. Подписано в печать 05.12.88. Формат 70×90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 3,07. Уч.-изд. л. 3,23. Тираж 10 000 экз. Заказ 1237. Цена 35 к. Изд. вид. ЛНП-63.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Салунова, 13/15. Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.